

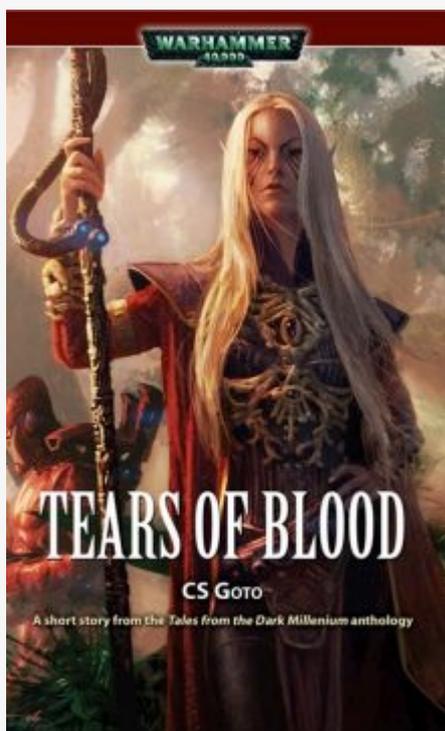
Кровавые слёзы / Tears of Blood (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Кровавые слёзы / Tears of Blood
(рассказ)

Автор	К.С. Гото / C.S. Goto
Переводчик	Zyriel
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Предания Темного Тысячелетия / Tales from the Dark Millennium
Год издания	2006
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Она еще была почти ребенком, когда наступил конец. Он обнял ее как будто руками давно умершей матери, окутал подобно убежищу, подобно новому началу. Но она видела истинную суть событий — она была эвелин. Она видела мороки и иллюзии, изливающиеся из будущего, туманящие взор и

стремящиеся задержать ее в настоящем. Она была намного больше, чем просто ребенком, когда наступил конец, и она видела его истинную суть: это был конец времен.

— Кровавые слезы: Хроники Элг'Ашбель, том 2

Деок Эпона, мир-корабль Каэлор

Раскаленная пыль кружилась в воздухе, крошечными гаснущими звездами пронизывая тяжелую темноту, царящую в некогда величественном дворе. Казалось, сам воздух сочится запахом неопределенности, и одинокая маленькая девочка дышала этим воздухом. Она стояла посреди руин, и в ее влажно блестящих сапфировых глазах отражалось опустошение. Вокруг нее порхали и танцевали, подобно бабочкам-однодневкам, мельчайшие частицы раскаленной серы и призрачной кости, которые затем беззвучно гасли, оставляя следы на ее бледной коже. Когда она обвела взглядом развалины и огонь, по корке грязи на ее щеке прокатилась одинокая, почти незаметная слеза, оставив за собой блестящий белоснежный след. Слеза хрустально переливалась воспоминаниями о сражении, разрушившем Каэлор. Когда она упала на залитый кровью и испещренный трещинами пол, казалось, что вместе с ней обрушились все ранее великолепные залы.

Мягкий старческий голос прорезал пространство над полем битвы, как луч заходящего солнца пробивается сквозь сплошной облачный покров.

— Эла.

В ответ маленькая девочка слегка повернула голову. Похоже, она чуть приподняла уши на звук. Это движение сделало ее похожей на дичь, которая знает о присутствии хищника, но привыкла к нему. Хищники опасны лишь тогда, когда играешь по их правилам.

— Эла, не стой под дождем.

Это был Ахирн, старый одряхлевший ясновидец Ривалина. Его согбенная фигура нетвердым шагом переместилась к ней сквозь искры и клубы дыма. Прислушиваясь к звуку еще мгновение, Эла поняла, что слышит металлический стук его посоха, который он использовал, чтобы сделать тверже свою все более и более неровную походку.

— Едва ли это можно назвать дождем, карадок, — ответила она, сложив ладони ковшиком, как ребенок, ловящий льющуюся с неба воду. Запрокинув голову, она смотрела на вихрящиеся в воздухе скопления искр и гаснущей пыли, наблюдая, как они танцуют и кружатся подобно косяку невиданных рыбок. Ее глаза слезились от попадающих в них искр.

Наконец, развернувшись, Эла взглянула в лицо некогда великого ясновидца. По меркам эльдар оно было уродливым и морщинистым. Он прожил больше, чем могли себя помнить даже старейшие из Каэлора. Он пережил самые разные события: сначала войны Великих домов, приведших к падению Ансгара, кошмарный Конфликт Пророчества, поставивший на колени дом Теирту и весь Каэлор. И сквозь все тяжелые времена этот сутулый и скрюченный старый ясновидец провел двор Ривалина, не утратив его доброго имени. И лишь теперь, когда двор лежал в руинах и пламени, древний дом Ривалин был унижен. Но все же Эла видела, как из-под тяжелых складок ткани, из темноты капюшона в глазах старого эльдар мерцает искорка молодости.

Внезапно под сводами теряющегося в высоте потолка полыхнули дуги пробившегося сквозь призрачную кость огня варпа. Мир-корабль опасно близко подошел к неистовствующему снаружи Мальстриму.

— Но это пройдет, как дождь на планете, моя маленькая морна. — Морщинистые сухие черты лица Ахирна тронуло слабое подобие улыбки. Мгновение они стояли вместе среди пылающих развалин двора, прошлое и будущее Каэлора, пред лицом конца времен. Они лицезрели царящее повсюду разрушение и отчаяние. Тут и там среди руин догорали изломанные тела.

— Пойдем, моя морна, дитя мое. Здесь нам больше нечего делать. — Ахирн протянул ей руку. — Давай попробуем укрыться от грозы.

Эла взглянула на него и увидела, как в его глазах отражается разрушительное пламя. На мгновение ей показалось, что она заглянула в прошлое, и вновь видит яростную битву в пурпурной глубине его зрачков. Она увидела искаженное в крике ужаса и агонии лицо, но затем оно пропало, вновь сменившись танцем отражений мириад искр.

— Пойдем. — Он улыбнулся и повернул руку ладонью вверх, как будто приглашая или предлагая свою защиту.

Эла медленно кивнула, как будто решив про себя, что старый эльдар прав: еще многое предстояло сделать, если осталось хоть что-то, что можно было спасти. Она протянула свою маленькую, белую, но грязную руку и вложила ее в ладонь Ахирна. Обрамленные морщинами глаза ясновидца мерцали из-под капюшона и, когда он улыбнулся, Эле показалось, что она мельком видела, как он провел языком по губам, увлажняя их.

Командный мостик «Непреклонного гнева» был окутан мраком. Ударный крейсер скользил по самому краю бушующего варп-шторма. Освещаемый тусклым зеленым светом мониторов и пощелкивающих терминалов магистр Калидиан Аксир бросал на слабо освещенное помещение густую мрачную тень. Он неподвижно стоял, глядя на главный обзорный экран, на котором скручивались и переплетались, маслянисто поблескивая, потоки огня и энергии варпа. Поверх темно-зеленой силовой брони магистра был надет просторный балахон, а огрубевшее с возрастом и покрытое полученными в битвах шрамами лицо скрывалось под тяжелым капюшоном. На том месте, где должен был находиться правый глаз, мерцал красным светом бионический имплант, установленный несколько десятилетий назад.

— Похоже, что это то самое место, — голос Калидиана походил на шум падающих камней. Лево́й рукой он потер свой небритый подбородок и прикоснулся указательным пальцем к уголку глазного имплантата. Несмотря на то, что он был установлен уже давно, магистр никак не мог к нему привыкнуть. Прикоснувшись к угловатой холодной поверхности металла на лице, он как будто удостоверился, что еще не забыл о возмездии, которое должен принести космодесантнику-рenegату, который выбил ему глаз. Нет преступления отвратительнее, чем обратиться против своих. Калидиан брезговал даже произносить имя этого воина-отступника.

— Доклад был довольно неопределенным. — Капеллан-дознаватель стоял в густой тени в задней части зала управления, где на него не попадал даже слабый свет мониторов и обзорных экранов. Он стоял, прислонившись к стене, его фигуру и лицо полностью скрывали темнота и балахон, а голос звучал не громче шепота.

— Они всегда такие, Лексий. — Магистр четвертой роты Темных Ангелов не оторвал взгляда от экрана, а лишь криво улыбнулся в ответ на скептицизм своего капеллана. На борту «Непреклонного гнева» не было Астартес, жаждущего возмездия и справедливости больше, чем Лексий Трюдан. Этот преданный своему делу капеллан-дознаватель расследовал бы даже мимолетную сплетню, если бы ему вдруг

показалось, что в ней таится хоть крупица истины. В этом путешествии на край великого Мальстрима капеллан видел больше смысла, чем кто-либо еще.

— Ты веришь любому сообщению, в котором упоминается его имя, магистр. Но в этом докладе его имя даже не прозвучало.

— Немногие знают его по имени, Лексий, и еще меньше тех, кто знает его по деяниям. Нам и повезло, и не повезло одновременно, старый друг. Данных доклада достаточно для того, чтобы начать расследование. Древняя черная силовая броня и великолепный меч, никогда не покидавший ножны. Кроме того, там упоминаются приметы некоего незнакомца, который утверждает, что его устами говорит сам Император. У нас даже больше причин, чем нам иногда хватало для расследования.

Наконец, Калидиан отвернулся от потоков и вихрей варп-энергии Мальстрима, просмотрел поверх голов лишенных разума сервиторов, которые делали свою работу на различных терминалах мостика, и слабо улыбнулся стоящему в тени капеллану, которого он четко видел своим бионическим глазом. — Это наша судьба, брат. Принеси искупление сегодня, ибо завтра мы можем предстать перед Львом или Императором.

— Мы отвечаем за свои грехи и за грехи наших братьев, — прошептал Лексий, по-прежнему пряча лицо в темноте.

— Да, брат-капеллан. Нельзя рисковать душами Темных Ангелов. — Калидиан снова повернулся к обзорному экрану. — Проверить целостность варп-щитов и проложить курс в систему Тирина. Прямо в ярость Мальстрима.

«Этим событиям следовало бы называться Зачисткой Тирины, но писцы и апостолы низвергнувшихся на нас кошмарных воинов уже вовсю трудятся над созданием подложных документов, именующих происходящее ритуальным очищением. Для пользы потомков и для тех, кто ищет истину, я пишу эту последнюю правдивую запись, и сердце мое полнится отчаянием. Я не питаю надежд на то, что это послание получит кто-либо способный прийти на помощь, так как помочь нам уже не сможет никто, кроме самого Императора. Но в глубине моей души теплится искорка веры, которая призывает меня запустить это послание в открытый космос.

Когда все началось, в небе как будто вспыхнули и закружились разноцветные облака. Целые реки крови испарялись и выпадали адскими осадками. Кровь потоками текла по шпилям огромных соборов, построенных на горных вершинах, и фонтанами била из подвалов. Казалось, что сами храмы плачут.

Некогда зеленый и плодородный мир Тирина в течение многих столетий балансировал на самом краю Мальстрима, подобно деревне, построенной на готовом обрушиться утесе. Как обрушение утеса, так и падение планеты было лишь вопросом времени. И когда она пала, удержать ее вызвался странный богоподобный воин, называющий себя апостолом закона.

С давних пор люди Тирины верили в Императора Человечества, направляя всё свое отчаяние и силы на покаяние и служение. Мы трудились, вдыхая последние крохи дарованного нам нашим обреченным миром кислорода. В знак благочестия мы заковывали себя в каторжные оковы и вручную поднимали на горные вершины огромные камни, чтобы затем построить из них величественные устремляющиеся в стратосферу соборы.

Тирина была оплотом преданности и имперской славы.

Несмотря на неминуемую гибель, Тирина стала известна как мир-храм и привлекла паломников со всех краев системы. Стекающиеся на планету аркофлагеллянты заливали собственной кровью улицы, каждая из которых вела на одну из многочисленных гор в один из многих соборов — именно тогда первая кровь впиталась в забытую Императором почву Тирины, чтобы через некоторое время смешаться с кровью замученных и поруганных жертв.

Но Император так и не ответил на наши молитвы.

Сначала, когда на нашу планету с границ Мальстрима наконец поползли похотливые усики варпа, верных Императору жителей планеты охватило отчаяние. Когда небеса закипели, а горы начали мучительно дрожать и искривляться, наши просьбы и молитвы Императору превратились в вопли ненависти и обвиняющие крики: наш бог оставил нас. Среди бурлящего болота паники и психоза, отвращения и боли, начали раздаваться другие голоса, чей шепот был обращен к иным силам. К любому, кто мог пообещать убежище от надвигающейся бури.

И на сей раз зов был услышан.

Окруженный сиянием бог-воин спустился через грязные пропитанные варпом облака, и отсветы этого сияния были видны по всей планете, как было бы слышно эхо голоса самого Императора. В течение семи дней он держал на низкой орбите свой крейсер, сияющий как звезда на обреченных небесах. А затем, когда люди Тирины начали считать эту звезду маяком новой надежды и осквернили свои алтари импровизированными жертвами единственному устойчивому источнику света в темном зараженном варпом мире, он увел «Слово истины» с орбиты. Лишившись света в небесах, обреченный мир утратил всякую надежду.

В течение еще семи дней он наблюдал, как рушатся шпили соборов. Говорят, он улыбался, когда мы стирали изображения Императора, нанося поверх них символы богов, которые не были глухи к нашим молитвам. По всей планете разрослись культы, и культисты начали восстанавливать некогда великолепные соборы, потом и кровью заставляя сломанные шпили вновь устремиться в небеса. Трещины и проломы заполнялись черепами и костями мертвецов. Миллионы душ взывали к силе, к любой силе, которая смогла бы даровать им спасение и наставить на путь.

Затем, когда Хранитель Веры увидел, что планета охвачена страхом, отчаянием и жаждой спасения, он вновь вернулся на орбиту, возвращая брошенным всеми жителям Тирины сверкающую ярким светом звезду надежды. Он ниспослал своих космодесантников сквозь атмосферу в десантных капсулах, пылающими метеорами пронизывающих клубящуюся темноту, подобно знамениям богов. Он принес надежду и порядок тем кто был предан, потерян, покинут и приведен в отчаяние. И мы приветствовали его прибытие, как, возможно, приветствовали бы ранее самого Императора, если бы он когда-нибудь озаботился тем, чтобы прийти.

Хранитель Веры шел среди нас как бог, говоря истинным голосом Императора, наставляя нас на новый путь и даруя нашей вере новую цель.

Тирина все еще является миром-храмом; набожные и преданные жители трудятся над восстановлением великолепных памятников и храмов, которые были некогда посвящены культу Императора Человечества. Но теперь они возрождаются в гротескном блеске, подчеркнутым символами и знаками Великого Предательства — из искаженных изображений ложного Золотого Трона струится кровь. На алтарях и других почетных местах символы Императора по указанию голоса истинного Императора сменились грубо намалеванными знаками иных сил.

Кое-где воздух сочится густым смрадом разложения, некоторые люди просто теряют разум, кого-то соблазнили культы Слаанеш. Многие жители Тирины начали получать извращенное удовольствие от собственного страдания. Боль, страдание и смерть быстро стали для этих людей синонимами искусства. пытки и калечение заменили молитву и жертву. Вместо того, чтобы выступить против этих культов, Великий Апостол принял их под свою руку. Самопровозглашенный голос Императора призывает нас омыться в крови невинно убиенных.

Великий Апостол спас наш мир от отчаяния, и теперь наши крики болезненного сладострастия разносятся от границ Мальстрима, как свет гигантского маяка, зовущего тех, кто, как и мы, ищет удовольствия, присоединиться к поглотившей наш мир гротескной оргии.

Берегись, читающий это, ибо на Тирине нет больше места набожным людям в твердом рассудке. Я не смею надеяться, что ты придешь и спасешь нас, но я верю и надеюсь, что ты никогда не дерзнешь осквернить свою душу, приблизившись к атмосфере планеты. Держись от нее подальше».

— Незашифрованный повторяющийся сигнал. Источник: Слеф Благочестивый III.

Источник, предположительно, находится в системе Тирины. Сигнал перехвачен Эксиэлем Кверилом, иеросавантом ударного крейсера Темных Ангелов «Непреклонный гнев». 364.М38.

Есть лишь кровь. Она течет рекой, и кажется, что плачут сами боги. Губы Элы шевельнулись, как будто она озвучила свои тихие мысли, но звука не было. Ее слова подействовали на психический фон неожиданно сильно, но с легким налетом ребячливости. Ее потрясающие глаза цвета сапфира искрились хрусталиками слез, вглядываясь в невидимое.

Придворные некогда великолепного двора Ривалина смотрели на дитя-провидицу со смешанными чувствами.

— Эта погань ничего не знает о крови, — прошипела Маэве Потаенных Наслаждений, провидица, служащая древнему дому Ютран. Она сама находилась под чьим-то покровительством, так как прошла ритуал Туиреанн всего двенадцать лет назад, но лет ей было в три раза больше, чем Эле. Ее природные юные черты лица сложились в уродливую гримасу, прочертившую по лицу запутанную сеть шрамов. Какое-то подобие скрытой улыбки придало выражению лица тошнотворный оттенок. — Она не может знать, что видит. И не зная этого, она не может и видеть.

Остальные придворные что-то забормотали в ответ. Кое-кто одобрительно, остальные с трепетом: они уже слышали прежде пророчества Элы и знали, что их стоит воспринимать всерьез. Она не была обычным ребенком, которого мучают кошмары и видения. Отношения Маэве и молодой провидицы были жестокими и соперническими, но не все могли в полной мере понять причину этому.

— Что конкретно ты видела, юная Эла из дома Ашбель? — глубоким спокойным голосом спросил Узнек Анион, откинувшись на спинку кресла, стоящего среди развалин тронного зала ясновидца. Хотя его голос и казался мягким и чутким, в нем чувствовалось равнодушие и цинизм. Это был один из старейших эльдар двора, занимавший свою должность еще до Войн домов. Среди высоких эльдар Каэлора он одним из первых осознал вульгарность Идена Теирту и его дома Воинов, когда им предоставили почетное место в прославленном дворе. Он стал свидетелем того, как утонченную высокую культуру и наследие Ривалин растворяли и извращали низшие умы примитивных домов эльдар из-за Стикслинского периметра. После сотни лет перемен он научился скептически относиться ко всему новому и молодому, но даже он видел необычную силу, которой обладал разум этого ребенка.

Стоя в центре Круга двора, со всех сторон окруженная старейшими и влиятельнейшими эльдар Каэлора, сидящими на осыпающихся развалинах прежнего статуса своих домов, маленькая Эла лишь покачала головой. Ее лицо чуть скривилось, как будто голову внезапно пронзила вспышка боли.

— Вы не хотите слышать о моих видениях. Вы хотите, чтобы я молчала.

— Возможно, ты считаешь, чтобы некоторые члены этого совета желают тебе плохого, юная морна? Ты видишь именно это? — Сидящий на троне ясновидец чуть подался вперед, перенося вес на узловатый кривой посох. Он обратил к своей протезе обрамленное капюшоном лицо и ободряюще улыбнулся, проявляя свое благоволение к ней.

— Она смущена, Ахирн из Ривалина. Она лишь чувствует, что мы желаем, чтобы ее разум успокоился, и что каждый из нас стремится к будущему, в котором негодование сменяется тишиной, — голос Маэве звучал как шипение, будто ее язык был раздвоенным как у змеи.

Эла еще раз осмотрела круг, внезапное холодное дуновение показалось ей порывом ветра. Она вновь обвела взглядом лица членов почтенного двора, концентрируясь на каждом из них: Маэве, Уизнек, Брикрю из Слоана, Келиддон из Оссиана и сам Ахирн — ее заботливый карадок. На мгновение ей показалось, как будто они приблизились к ней, сужая круг силы и обволакивая ее. Они как будто прикоснулись к сокровенным мыслям, дразня ее и играя с желаниями.

Она моргнула и вновь осмотрелась. Все эльдар двора находились на своих местах, пристально глядя на ее странное поведение, и на их непривычно грязных лицах царило недоумение и беспокойство.

— Я вижу реки крови, текущие по стенам соборов. Я вижу памятники Великому Врагу, устремляющиеся в грязное, кроваво-красное небо. Я вижу колдуна мон-кей, говорящего с демоническими силами, которые наполняют мою душу ужасом. Я вижу... — она затихла, как будто собиралась сказать нечто еще более ужасное — нечто, для чего она не могла или не хотела найти слов. — Я вижу конец времен. Это Грехопадение.

— Взгляни вокруг! — презрительно воскликнула Маэве, поднявшись со своего разбитого сиденья и резко взмахнув рукой. — Что это, если не конец времен? Двор Ривалин лежит в руинах, сотни эльдар Каэлора лежат в лужах собственной крови под горами камня, пронзенные клинками собственных сородичей в приступе злобы ложного осознания. Этот... этот мерзкий младенец видит не будущее, а лишь эхо настоящего; она еще слишком молода, чтобы понимать разницу. В ее словах мы должны видеть страх, а не мудрость. Нельзя тратить наше время и скудные ресурсы на наблюдение за детскими сказками. Перед нами стоят более неотложные задачи.

Закончив говорить, ясновидица Ютрана взглядом своих пылающих глаз встретила со взглядом стоящей в центре круга Элы. Глаза Маэве сверкали глубинными чувствами, подобно окнам в душу, и Эла чуть отпрянула от того, что она там увидела. Подавшись назад, инстинктивно пытаясь удержать дистанцию, она уткнулась спиной в того, кто стоял сзади.

— Пойдем, моя маленькая морна, дитя мое. Давай покинем это место — тебе нет нужды участвовать в этом.

Эла повернула голову и увидела пристально глядящего на нее сверху вниз Ахирна. Он чуть склонился над ней, капюшон плаща даже на столь близком расстоянии скрывал большую часть его лица. Одной рукой старик опирался на кривой посох, а другую мягко положил на плечо Элы. Ей показалось, что в тени капюшона она видела, как сверкнули его белоснежные зубы, а по нижней губе пробежала густая

струйка крови. Она инстинктивно дернула свободным плечом.

Похожие на пещеры помещения великой Базилики Восторга на Тирине эхом отзывались на голоса тысяч воспитанных в духе поклонения людей. Глубокие, резонирующие песнопения проникали через массивные каменные плиты и кладку, заставляя чудовищное здание дрожать как живое существо.

Эта базилика была гордостью Тирини. Она стояла на пике Тиринитобия, высочайшей горе из пригодных для жизни. Здание было построено в самых величественных традициях высокой готической архитектуры: длинный, в три пролета, неф с высоким сводом вел от главных ворот к расположенному перед большой апсидой алтарю. В этом огромном зале могло разместиться до тридцати тысяч прихожан, он был полон людей от рассвета до заката и от заката до рассвета. Непрерывный поток верующих вливался во врата, вынуждая тех, кто уже находится внутри, направиться в трансепты, а затем выйти через боковые ворота в город снаружи.

Сами трансепты пересекали неф перед алтарем, и в месте пересечения из высокого потолка вырастал великолепный широкий купол, сделанный из кусочков стекла различных оттенков красного. Кровавый купол наполнял базилику насыщенным красным светом, окрашивая алтарь в цвет крови самого Императора. По крайней мере, так его обычно описывали. Вид большого собора с высоты вдохновлял миллионы паломников, чьи челноки летели к космодромам в долинах: вместо обычных прямоугольников, пересекающих главную ось, искусные строители придали трансептам форму огромных крыльев. Очертания базилики напоминали собой имперскую аквилу.

— От пламени предательства до кровавого отмщения мы несем весть истины забытым и брошенным, — глубокий, резонирующий голос оратора грохотал в пространстве пещеры, эхом прокатываясь между широкими каменными колоннами и десятками тысяч обращенных вверх лиц, — поскольку я — Магистр Веры, первый сын великого иконоборца, носитель истинного слова и любимый сын самих богов.

Произнеся эту речь, облаченный в темную броню гигант обрушил силовые перчатки на купель, отчего она треснула и осыпала прихожан каменной крошкой. Его великолепный меч спокойно висел на креплении у ноги. Люди взирали на огромную фигуру с трепетом и удивленным непониманием, впитывая его слова так же жадно, как мучимые жаждой, иссушенные пустыней люди поглощают воду. Тысячелетиями они ждали явления Императора, а теперь, после того, как их, казалось, совсем забыли, с небес в потоках огня спустился этот великолепный воин. Он сказал им, что их набожность была оценена и признана надлежащей, но они ошиблись с выбором объекта поклонения. Их Император был ложным и лживым — он требовал повиновения и поклонения, но игнорировал их нужды. Он был ложным идолом, а тот, кто прибыл к ним сейчас, служил голосом правды — голосом иконоборчества и настоящего благочестия. Магистром истинной веры.

Когда прихожане впервые собрались в базилике, таинственный воин-бог шагнул к алтарю и собственноручно снял с него гигантскую аквилу, что вряд ли было по силам даже двум десяткам тиринских мужчин. Издав крик ярости, он перевернул знак в воздухе и обрушил на алтарь оскверненным и изломанным символом собственной извращенности. В тот момент он зажег на Тирине пламя революции.

— Я прошу лишь того, что вы уже отдавали другому: веры и вечной преданности. Вы уже потеряли их, и я возьму эту ношу на себя. Больше не задумывайтесь о них, так как вера и преданность составляют основу ваших душ.

— Я прошу лишь, чтобы эта преданность была устремлена к надлежащей цели — направьте ее на истину. Обратите свою набожность и свои молитвы к тем, кто вас услышит... К тем, кто будет вас слушать.

— Вы кричали, когда рушился ваш мир, и кто пришел вам на помощь? Кто возвратил в небеса свет, а в сердца — чувства? Кто вернул на Тирину жизнь, кровь и ярость?

— Ваш Император?

Тридцать тысяч человек издали оглушительный рев, выражая этой какофонией свои гнев и недовольство. Толпа балансировала на грани безумия.

— Нет! — прогрохотал искусный оратор, заполняя своим голосом весь собор, как будто каждое слово было словом самого бога. — Это был я! — Он снова ударил кулаком по купели, начисто ее уничтожив. — Я вернул ваш мир к жизни голосом истины и словом богов Хаоса!

Толпа прихожан снова взорвалась ревом, как вулкан экстаза, когда люди Тиринины открыли свои души магистру веры.

— Устремите к ним все свои мольбы — к богам, которые касаются наших жизней своей волей и милостью, богам, которые вознаграждают нашу преданность своей благосклонностью! Мы обращаем наши молитвы к тем, кто слушает. Да обратят они на нас свой взор и да наделят нас благостью боли, чтобы окрасить галактику в цвет крови и утолить голод богов!

Варп-пауки Каэлора перемещались, оставаясь в то же время неподвижными, исчезали из реальности и вновь появлялись, подобно крошечным кристаллическим созданиям Паутины, от которых и взяли свое имя. Мощные, компактные прыжковые генераторы за их спинами позволяли им прорывать быстро затягивающиеся прорехи в материальном мире и скользить в варпе, пронизывая реальность подобно тому, как длинная нить проходит сквозь непроглядно черную ткань.

Отделение носящих багровый и золотой цвета Пауков вышло в реальность на границе разрушенного сектора, в котором находился двор ясновидца. Адсулата подняла руку, приказывая остановиться и занять укрытие. Она уже бывала в окрестностях двора и знала об опасности. Несмотря на вызванное Войнами Пророчества опустошение, двор был все еще хорошо защищен. Ясновидцу служило множество могущественных провидцев и ведьмаков, да и сам ясновидец был способен с легкостью обнаружить присутствие отделения неуклюжих варп-пауков; способность ускользать из материального мира мало что значила, когда часовые и системы безопасности четко видели то, что происходит в Имматериуме.

Укрытый в лесах близ Стикслинского периметра храм варп-пауков также пострадал во время недавних войн. Его статус на Каэлоре стал довольно неопределенным, и многие из тех, кто остался верен ясновидцу Ривалина, будут считать варп-пауков врагами мира-корабля. Узник из дома Анион был из тех, кто без колебаний уничтожит Паука на месте — его собственные силы понесли большой урон от великого экзарха, который вел варп-пауков в битву против двора. К счастью, подумала Адсулата, немногим из выживших придворных сторонников ясновидца хватило бы духа вступить в схватку.

Даже с дальних окраин двора Адсулата видела причиненный сектору ущерб. Некогда безупречные и прекрасные здания были сломаны, их совершенство было разрушено. Кое-где в брошенных на улицах гравициклах и «Соколах» до сих пор пробивались языки пламени. Энергичному и деятельному ясновидцу, скорее всего, не потребовалось бы много времени на восстановление этого места — в конце

концов, большую часть двора не так давно реконструировали после Войн домов. Однако, Адсулата сомневалась, что Ахирн Ривалин будет лично наблюдать за процессом. Похоже, его интересы лежали сейчас в другой области.

Будущее Каэлора в руках юной Элы. Теперь Адсулата верила в это твердо, как никогда.

Осматривая местность, арахнир, командир отделения варп-пауков, заметила слабое мерцание возмущения в варпе сквозь призрачную кость потолка. Несмотря на все эстетические и практические преимущества строительства из призрачной кости — вещества, материализованного из самого варпа и обладающего редкими и необычными проводящими качествами, Адсулата знала, что структура Каэлора работала против него самого, когда корабль находился рядом с таким мощным варп-штормом, как Мальстрим. Она знала, что проникающие через обшивку мира-корабля видимые искры энергии варпа означают опасную близость. Щупальца варпа добрались до Каэлора и пытались втянуть его внутрь, жаждая психической силы детей Иши, которую усиливало и о которой прямо-таки кричало наличие призрачной кости.

Искры в небе были зловещим предзнаменованием будущего.

Башня ясновидца иглой света возвышалась над охваченными пламенем руинами. Во время войны её обороняли упорнее всего, поэтому шрамов от бушевавших вокруг жестоких сражений на ней осталось немного. До Адсулаты доходили слухи, что под башней есть лабиринт, в котором скрывается культ удовольствия невиданного со времен Грехопадения типа. Невиданного уже несколько тысяч лет, с тех пор, как Сыны Азуриана были вынуждены бежать с родных миров, чтобы избежать сладострастной хватки Слаанеш, Великого Врага. Дрейфовать в направлении самых темных уголков галактики в этих чудовищно больших мирах-кораблях. Древние поэмы говорят о том, что упадок самих эльдар породил Слаанеш, и что она с тех пор охотится за ними как добывающийся внимания ребенок.

Эльдар мира-корабля, пытаясь удержаться подальше от жадных пальцев Слаанеш, начали вести умеренную и аскетическую жизнь. Но ковен наслаждения на корабле столь древней модели подобно сверкающему маяку привлек бы внимание Великого Врага, притягивая его к Каэлору или Каэлор к нему. Возможно, этому кошмарному злу удалось обмануть даже самого ясновидца; весьма мудро скрываться под самым носом у врага.

И все это время массивный мир-корабль, казалось, подходил все ближе и ближе к нечистой варп-энергии Мальстрима. Только юная провидица, Эла'Ашбель, сестра самого Великого Экзарха, видела отблеск ужасов, подстерегающих детей Иши в завихрениях варп-шторма. Она видела, как колдун-демон мон-кей на планете Тирина притягивает к себе Каэлор в акте великой жертвы и поклонения Великому Врагу. А теперь был замечен входящий в Мальстрим крейсер людей. Тем не менее, ясновидец и его двор бездействовали. Сохранение некогда великолепного и благородного духа Каэлора вновь легло на плечи варп-пауков. Если двор не начнет действовать согласно мудрости Ашбель, это сделает Адсулата.

Арахнир обернулась, проверяя готовность отделения, кивнула, отдавая короткий, но однозначный сигнал, и пропала из материального мира. Один за другим варп-пауки исчезали вслед за своим лидером, направляясь в башню ясновидца. Они знали, что юную провидицу держат именно там.

Когда Калидиан и его Темные Ангелы спустились по аппарели «Громового ястреба», увиденное ими вызвало в их душах тошнотворное ощущение. Боевой челнок приземлился в месте, которое, должно быть, раньше было шумной площадью в центре белокаменного города, искусно встроенного в склон

Тиринианской долины. С одной стороны долины вздымались ввысь скалистые вершины, с другой извивалась широкая река. Очевидно, когда-то город был весьма процветающим.

В центре площади, прямо под носовой частью челнока находился фонтан: изваяние, окруженное углублением с некой жидкостью. Даже с аппарели «Громового ястреба» Калидиан видел, что статуя когда-то изображала Императора. Она никогда не была ни красивой, ни даже соразмерной, но в ее предназначении и замыслах создавшего ее примитивного ремесленника невозможно было усомниться. Теперь же форма изваяния была другой. Оно было размалевано яркими красками и покрыто странными символами. На постаменте были выцарапаны и выбиты письма. Грудь статуи была пробита длинным широким мечом, повредившим механизм фонтана, из-за чего жидкость вытекала из раны как кровь. К голове изваяния было сбоку прикреплено некое звукоусиливающее устройство, издающее отвратительное завывание и заполняющее площадь воплем бьющихся в экстазе людей.

Присмотревшись, Калидиан понял, что жидкость в фонтане и была кровью. Фактически, всю площадь залила кровь. Она струилась по городским улицам, и потоки перемешанной с кровью воды стекали по склонам из соборов на вершинах гор и вливались в багряную реку.

Не говоря ни слова, капеллан Лексий спрыгнул с трапа «Громового ястреба», вскинул болтер и уничтожил фонтан, разметав по улице окровавленные осколки камня и заставив умолкнуть демонический шум.

— Не потерпи измененного, — пробормотал он, как будто оправдываясь за свои действия. Другие Темные Ангелы безмолвствовали, пристально оглядывая слишком ярко раскрашенную площадь и обдумывая способы ее обороны.

Внезапно заметив какое-то движение на паре боковых улиц, космодесантники мгновенно выхватили оружие и изготовились к бою.

— Не стрелять, — твердо произнес Калидиан.

Пока они наблюдали, из зданий и с улиц вокруг площади начали появляться первые люди. Они были оборваны, измазаны кровью, покрыты множеством ритуальных шрамов, а их глаза светились тусклым лунным светом. Движения были вялыми, как будто у пьяных; людей, казалось, нисколько не волнует присутствие стоящих перед ними с поднятыми болтерами двухметровых облаченных в балахоны и силовую броню воинов.

Постепенно единицы людей превратились в десятки, а затем образовалась толпа. Казалось, на площади собралось население всего города. Все они выглядели ошеломленными, как будто балансировали на грани экстаза — глаза были распахнуты, а зрачки расширены. Калидиан понял, что это нечто большее, нежели контузия или травма. Атмосфера на площади приближалась к истерии, и толпа, казалось, смотрела на Астартес с голодом и предвкушением. Людей привлекло на площадь пламя, испускаемое приземляющимся «Громовым ястребом», и уже через несколько секунд все вокруг было наводнено людьми; Темные Ангелы оказались окружены.

— Вы несете Глас Императора? — издаваемый одновременно многими голосами звук прозвучал как хорал, как будто специально выученный для этого случая. Музыка не было, но голоса, казалось, радуются внезапно возникшей гармонии.

— Мы несем отмщение и правосудие, — прорычал Лексий, с трудом удерживаясь от того, чтобы спустить курок и ожидая приказа Калидиана.

— Вы — Хранители Истинной Веры?

Мгновение Калидиан смотрел на толпу, оценивая ее настроение и движения.

— Да, — наконец произнес космодесантник. Он обратился к стоящему вблизи мужчине с покрытым шрамами лицом, по всей видимости, нанесенными самостоятельно. На его груди был вырезан знак Слаанеш, покрывшийся коркой запекшейся крови. — Ты видел других подобных нам?

— Голос Истинной Веры ступал среди нас, — ответил человек. Его глаза стали еще больше от смеси страха, трепета и возбуждения.

— Этот «Голос» учил вас надлежащему благочестию и набожности? — спросил Калидиан.

— Да, Лорды Слова. Мы были благословлены присутствием Хранителя Веры. Он всегда среди нас.

— Он такой же, как мы?

— Да, Лорды Слова.

— Ты отведешь нас к нему, — Калидиан отвернулся от окровавленного жителя Тирины и увидел, что глаза Лексия пылают ненавистью — капеллан жаждал уничтожить это омерзительное оскорбление взора Императора. — Не спеши, Лексий. Праведная зачистка может подождать. Пока что у нас есть шанс отомстить. Возможно, мы, наконец, нашли его?

Глаза оратора вспыхнули демоническим огнем, когда он увидел исступление, охватившее уже измененных и впавших в отчаяние людей Тирины. Базилика ревела и грохотала в безумстве возбуждения и одержимости. Он уже видел такое на бесчисленных мирах, и это происходило каждый день с момента его приземления; планета словно налилась страхом и ненавистью. Души людей зывали к его речам, притягивали его из глубин Мальстрима как пылающий маяк. Урожай душ, созревший для сбора — щедрое подношение богам!

Но его махинации на Тирине имели еще одну скрытую цель. Не просто кровавая жертва для удовольствия Кхорна, поскольку Магистр Веры служил не какому-то конкретному богу. Он слышал шепот обольстительнейшей из соблазнительниц о более заманчивой награде. Древний и некогда великолепный мир-корабль эльдар оказался восхитительно близко к границам Мальстрима. Если магистр сможет превратить Тирину в поклоняющийся Слаанеш мир-храм, демон даст ему силу затянуть эльдар в Мальстрим и позволит возглавить легионы демонеток в битве с миром-кораблем, уже медленно падающим в руки Слаанеш. В обмен на души тысяч эльдар, которых будет достаточно для того, чтобы призвать Ту-что-жаждет, из варпа в реальное пространство материума, магистр веры получит благоволение Слаанеш и некоторые новые возможности.

Искушение было слишком велико, даже для него.

Глядящему через великолепное кроваво-красное стекло Купола Крови некогда лояльному космодесантнику показалось, что он уже видит на небосводе мерцание новой звезды: мир-корабль эльдар должен уже быть неподалеку.

— Восславьте богов, вознаграждающих нашу преданность своим божественным благоволением! — воскликнул он, слушая, как прихожане подхватили его слова и запели в унисон. — Мы обращаем наши молитвы к тем, кто слушает. Да обратят они на нас свой взор и да наделят нас благостью боли, —

продолжил он, позволив своему лицу скривиться в улыбке: теперь эти люди принадлежали ему, — чтобы окрасить галактику в цвет крови и утолить голод богов!

Эла'Ашбель молча сидела в верхней части башни ясновидца, в круглой комнате, в самом центре этого сверкающего здания, Вдали от света, волнений и искушений мира-корабля. Ее ноги были поджаты, а глаза закрыты. Она беззвучно повторяла мантру, погружаясь в свой разум и пытаясь проникнуть в безвременье Имматериума.

Она не понимала, почему отношение к ней ясновидца было столь изменчивым. То он был слепо любящим карадоком, то проявлял враждебность и высокомерие. Он говорил, что верит в ее силы и способности, но, в то же время, отчитал за речи в Круге Совета, сказав, что ребенку не подобает так непочтительно говорить со старшими.

Она не сомневалась в правдивости своего видения. Трясина энергии варпа, хлещущей и пробивающей призрачную кость обшивки Каэлора, казалось, каждой вспышкой подтверждает теорию провидицы. Огромный мир-корабль двигался к границам Мальстрима, влекомый внутрь могуществом колдуна монкей, который заручился поддержкой самого Великого Врага. Слаанеш приглашала своих создателей наконец-то вернуться домой. Эла просто не могла понять, почему Ахирн этого не видит — ведь он ясновидец!

Эла подумала о том, что в далеком легендарном прошлом могущественные псайкеры «домоседов» (эльдар до Грехопадения, живущих на поверхности планеты) не сумели распознать колдовство Великого Врага. Они блуждали в дебрях собственного упадка и были слепы к зарождающемуся в Имматериуме вихрю демонической жажды.

Вдруг перед ее глазами возник образ Ахирна, протягивающего к ней руку в тлеющих руинах старого двора. В той ситуации что-то было не так, но тогда она едва это заметила, а теперь с трудом могла осознать. Затем Эла вспомнила то, как он увел ее из самого Круга двора. Что-то странное было в изгибе его морщинистых старых губ и отблеске зубов в темноте. Она вспомнила холодное прикосновение руки к плечу и мысленно вздрогнула.

Несколько вспышек света озарили комнату, отчего провидица вдруг открыла глаза, но не пошевелилась, оставаясь в позе для медитации. Одновременно со вспышками света пришло осознание происходящего.

— Адсулата, — произнесла она, снова закрывая глаза, будто ни о чем не волнуясь. — Давно не виделись, — провидица не нуждалась в зрении, чтобы видеть действия тех, кого она хорошо знала. Эла даже иногда задавалась вопросом, а нужны ли ей вообще глаза. Кто кроме варп-пауков мог так легко проникнуть в башню и во внезапной вспышке появиться в тайной комнате для медитации?

Ответа не последовало, но мысленным взором Эла увидела, как арахнир и ее отделение варп-пауков склонились в глубоком церемониальном приветствии, которым обычно встречают лишь самого ясновидца.

— Ясновидица Ашбель, — наконец промолвила Адсулата. — Мы пришли, чтобы освободить тебя из этой темницы.

— Ты ошиблась, арахнир Адсулата. Я не ясновидица, и я не в темнице.

— Как пожелаешь, ясновидица, — поклонилась Адсулата. Судя по голосу, своего мнения она не изменила, — но, тем не менее, мы прибыли, чтобы вытащить тебя из этого места. Каэлор в опасности. Ты

видела входящий в Мальстрим корабль мон-кей?

— Да, варп-паук, я видела его. И еще кое-что. Нечто кровавое. Будущее видится мне холодным и полным опасностей, Адсулата.

— И, тем не менее, двор Ривалина бездействует?

— Я рассказала им о том, что видела.

— И они заперли тебя здесь?

— Для моей безопасности и душевного спокойствия, — сказала Эла, понимая, что сама не верит в собственные слова.

Не так давно варп-пауки поддержали тебя во время войн Пророчества, Эла'Ашбель. Мы поддержим тебя и теперь. Прикажи, и твоя воля будет исполнена. Расскажи, ясновидица, что было в твоём видении.

— Я не ваша ясновидица, арахнир Адсулата. — упорство, с которым пауки именовали ее ясновидицей, раздражало и выводило из равновесия.

— Я видела реки крови, текущие по стенам великих соборов, и жертвенные костры Великого Врага, поднимающиеся в грязное, кроваво-красное небо. Я видела Падение Каэлора, Адсулата. Я видела конец времен.

— Ты видела Тирину, ясновидица? Планету мон-кей, лежащую в опасной близости от завихрений варп-шторма? Если двор ложного ясновидца не отреагирует на это, действовать начнут варп-пауки — мы сопроводим тебя на Тирину и проследим, чтобы твои видения будущего не воплотились в настоящем. Если такова твоя воля, она будет исполнена.

Несколько долгих секунд Эла'Ашбель молчала. Она сидела с закрытыми глазами и обдумывала возникающие перед ее мысленным взором различные варианты возможного будущего, взвешивая последствия своего решения. Провидица уже давно знала Адсулату, благородного и преданного воина аспекта Великого Экзарха Храма Паука и верноподданного Каэлора. Ее намерения были безупречны, а инстинкты надежны. С другой стороны стоял Ахирн — ясновидец, ее карадок. Его образ с протянутой к ней рукой вновь неожиданно мелькнул в сознании. Ну почему он не видит всего?

Впервые в голову ей пришла еще одна мысль: возможно, ясновидец знал о том, что должно случиться, но решил никак не реагировать. Эта мысль была ужасна. Неужели двор уже настолько низко пал?

— Такова моя воля.

Круг Ривалина был нарушен, но не уничтожен. Большое кольцо тронов из призрачной кости, незыблемо стоявших в течение тысячелетий, было сломано и разбито, но не все они пустовали; многие придворные выжили в смуте Войн Пророчества. Они смотрели как их древняя и великолепная родина — большой мир-корабль Каэлор — падал в пучину отчаяния. Некоторые примкнули к своим Великим домам и взяли в руки оружие, но большинство укрылось в стенах Высокого двора, поставив себя над низменной жестокостью своего народа. Из решивших сражаться лишь иссохший и циничный Узнек Анион вернулся и вновь занял свое украшенное узорами и рунами место. Потрепанный и опустошенный войной дом Анион до самого конца с гордостью сражался во имя своего ясновидца.

Ярость смуты почти не затронула некоторые, самые малодоступные и тайные области массивного

комплекса двора, и многие члены совета могли продолжать жить той изысканной придворной жизнью, к которой привыкли. Провидица Ютрана, Маэве, была одной из тех, кто свил себе уютное гнездышко в убежище, и теперь, когда Каэлор, казалось, рушится вокруг нее, она чувствовала, что презрение к творимому ее братьями насилию было полностью оправдано.

— Не могу поверить, что старый нэвир согласился предоставить этому ребенку-слир право голоса во дворе, — Маэве усмехнулась, произнося слова древнего еретического языка. Ее глаза сверкнули подобно змеиным. Когда ясновидец покинул зал, чтобы отвести маленькую дрянь в башню, Маэве расселась на своем месте с таким видом, что постороннему она могла показаться владычицей этого двора.

Остальные рассмеялись со смесью удовольствия, беспокойства и страха, нервно наслаждаясь ее непочтительностью.

— Ты не будешь говорить здесь на этом языке, Маэве из Ютрана. Не пристало этому двору так высказываться как о ясновидце, так и о его решениях. Дитя-провидица, возможно, должна сыграть во всем этом какую-то роль. В отсутствие уверенности тебе бы не помешало запастись осмотрительностью. — Уизнек поднялся. Как обычно, он один осмелился выступить против ютранской ведьмы, но обычно его одного было достаточно, чтобы заставить остальных молчать. — Кроме того, — добавил он, — похоже, на границе сектора действительно видели мон-кей. Похоже на ударный крейсер, возможно, Адептус Астартес. Видение Элы'Ашбель, возможно, не полностью ложно, провидица Маэве.

— Да, появление мон-кей сейчас нельзя игнорировать. — Маэве снисходительно улыбнулась, пропустив вызов Уизнека мимо ушей. Она обменялась взглядами с молодым темнокожим Келиддоном Оссианом, чьи золотые глаза подчеркивали безупречные, роскошные, многоцветные одежды, не тронутые бушующей в Каэлоре разрушительной бурей. Свидетельством нынешней ситуации была лишь кровь, впитавшаяся в нижнюю кромку его экстравагантного плаща.

— Согласен, — кивнул Келиддон, пряча охватившие его чувства за ухмылкой.

Уизнек перевел взгляд с Маэве на Келиддона, с явным раздражением дернув головой. Плохо, что два этих юнца находились на совете в первых рядах — они были там лишь потому, что главы их домов погибли в непредвиденных драматических событиях на ранних этапах Пожарища Пророчества. Для двора Ривалина было очень необычно позволить занять такие ответственные места столь неопытным эльдар, пусть даже и представителям славных домов Ютран и Оссиан. Могущество, богатство и образ жизни при дворе ясновидца сильно влияли на неокрепший разум. А эти двое, несомненно, наслаждались занимаемой должностью, несмотря на всю творящуюся неразбериху.

Уизнек был сыт по горло их претензиями и подлыми мелкими тайнами. Они никогда ничего не делали, только болтали и насмехались. Когда силы ясновидца стояли на грани истребления и Уизнек с гордостью шагнул в пламя вместо самого Ахирна, Маэве и Келиддон пили эldreанский эль и смотрели постановку «Рождения Великого Врага» в исполнении труппы странствующих арлекинов.

— Значит, вы оба согласны, что игнорировать мон-кей нельзя. И в какую же форму надлежит нам облечь это «не-игнорирование»? — процедил он, позволив цинизму вылиться во враждебность.

— Почему бы тебе не спросить об этом маленькую Элу'Ашбель, Уизнек? — Маэве обратила гнев старшего члена совета в шутку и засмеялась, считая свою насмешку забавной.

Внешне кажущиеся необдуманно слова провидицы Ютрана скрывали в себе сложный и острый скрытый смысл. Она обращалась к нему покровительственно, ставила Уизнека на один уровень с

одряхлевшим ясновидцем, предполагая, что к Эле'Ашбель он может относиться лишь как карадок. Когда Уизнек понял это, в его разум пришла еще более циничная мысль: а не хочет ли Маэве сказать, что сам ясновидец нуждается в таком покровительстве? Не проглядывает ли из этих слов завуалированная ересь?

С другой стороны, Маэве, казалось, говорила ему, что его скептицизм по отношению к молодости старомоден и анахроничен — намек на ясновидца, напоминание о том, что даже Ахирн Ривалин, похоже, одобрил присутствие на совете Элы, по сути еще ребенка.

Если ясновидец был готов открыть душу отвратительному младенцу, то Уизнек тем более мог бы смириться с присутствием Маэве и Келиддона. И еще один, самый важный политический подтекст гласил, что, несмотря на несоизмеримую разницу в возрасте и опыте, лишний при дворе именно Уизнек, а не молодые выскочки. Казалось, Маэве признательна ясновидцу за благоприятное для молодых эльдар решение, изолировавшее Уизнека и заставившее его чувствовать себя как самозванец в элитном клубе. Неприятные рассуждения заставили задаться еще одним циничным вопросом: если Ахирн и Маэве больше похожи друг на друга, чем ему казалось, не стоит ли пересмотреть свое отношение к действиям ясновидца в то время, когда он, Уизнек, вместо Ахирна стоял во главе армий Ривалина в последней битве Войн Пророчества? И не сидел ли Ахирн рядом с Маэве, наблюдая за арлекинами?

Скрытый в вопросах смысл мог повлечь за собой еретические выводы, к которым Уизнек приходил не хотел. Вместо этого он удовольствовался проклятием в отношении бесконечно тонких сложностей эльдарской политики и неожиданно изощренного ума провидицы Ютрана. Мон-кей, при всей своей примитивной неуклюжей тупости, обладали, по крайней мере, одним достоинством: их интеллекту были чужды свойственные эльдар несущие множество смыслов высказывания и интриги. Уже не в первый раз за свою долгую, насыщенную событиями жизнь, Уизнек задался вопросом, на что могла бы быть похожа короткая, прямая и простая жизнь человека.

— Не вы первые пали жертвой капризов и прихотей этого ложного бога, — произнес стоящий над разрушенной купелью в передней части базилики Восторга на Тирине оратор, как будто раскрывая некую тайну. В ответ на изменение в его голосе прихожане погрузились в полное молчание.

— Вы не одни, хотя в глубине души можете чувствовать одиночество.

Подобно легкому бризу, предвещающему великий шторм, в нефе поднялся одобрительный гул.

— Я тоже трудился под звук ложных обещаний этого корыстного Императора Человечества. Я нес его свет сквозь галактику в праведной ярости Великого крестового похода. Я стоял на коленях у его ног, веря его словам саму душу и склоняя голову в ожидании прикосновения его золотой длани. Но, как и вы, я ждал напрасно. Прикосновения его двуличных пальцев никогда не было даровано ни мне, ни любому из его самых преданных слуг. Вместо чести и спасения он вознаградил нас насмешкой и оскорблением, назвав наши старания неудачными и ошибочными.

— Но даже тогда мы, как и вы, не утратили веру. Вместо этого мы пришли в отчаяние, изо всех сил пытаясь понять, какие ужасные преступления мы совершили пред лицом нашего бога, что он так с нами обращается. «Наверное, мы виноваты! Наверное, мы были недостаточно набожны! Император справедлив и не отнесся бы к нам таким образом без причины!» Мы непрерывно молились в течение многих недель.

Тут и там в базилике раздавалось бормотание людей, узнающих в истории оратора отражение

собственной тяжелой участи. Кое-то выражал свое согласие криком, нарушающим монотонный гул, как волны нарушают гладкую поверхность пруда.

— Но, — произнес оратор, затем сделал драматическую паузу, ожидая, когда среди паствы воцарится тишина, а каждый человек будет напряженно ожидать его слов.

— Но ошибка была не в нас, — прошептал он, наблюдая за жаждущими услышать его жителями Тирины.

— Ошибка была не в нас! — прокричал он, повысив голос. Крик эхом отозвался по всему собору. — Ошибся сам Император. Он не слушал нас. Он не заботился о нас. Он даже пальцем не пошевелил, чтобы оказать нам самую ничтожную милость. Он покинул нас вместе с нашей верой.

— Но вы не одни!

Прихожане взорвались восторженным ревом.

— Мы собрались здесь, объединенные осознанием правды! Мы возносим молитвы тем, кто услышит нас. Тем, кто достоин нашей крови и тяжелого труда.

Собравшиеся начали ритмично выкрикивать имя великого оратора, исступленно топая ногами, отчего задрожали даже камни базилики.

— Мы обращаем наши молитвы к тем, кто слушает. Да обратят они на нас свой взор и да наделят нас благостью боли, — воскликнул оратор, направляя экстаз паствы на литанию. Он улыбался, слушая, как каждый голос в похожем на пещеру помещении собора подхватывает его слова. Единым, могучим голосом они закончили:

— Чтобы окрасить галактику в цвет крови и утолить голод богов!

Оставляя за своим вздымающимся плащом разрушенное и потерянное великолепие Круга двора, Маэве Ютран стремительно шла по обветшалым коридорам дворца ясновидца. Ее одежды волочились по пыли и обломкам, оставляя за собой извилистый след, тянущийся через пыль и развалины. Она прошла чередой поврежденных коридоров и ведущих вниз проходов, все глубже и глубже спускаясь в древний комплекс.

Несколько минут спустя она остановилась посреди засыпанного обломками прохода. Украдкой огляделась, чтобы удостовериться, что ее никто не видит, затем подняла руку и надавила своими нежными пальцами в бархатных перчатках на изогнутые губы изящной статуэтки из призрачной кости. По контуру статуэтки пробежали слабые зеленые электрические искры, затем она приглушенно щелкнула и отодвинулась в сторону, являя взору потайной ход. В последний раз оглядев коридор, Маэве быстро нырнула внутрь, и статуя плавно вернулась на место.

Начинающийся за статуей узкий темный коридор, возможно, был частью совершенно другого мира, или другого, более возвышенного периода истории Каэлора. Его мерцающие стены из призрачной кости были покрыты бесчисленными светлыми точками, кажущимися окнами в невероятно далекие звездные системы. Это место было безупречно, незапятнанно и никоим образом не тронуту суматохой войны.

Ступив в сверкающее пространство, Маэве на мгновение замерла и вздохнула. Казалось, она чувствует грязь и кровь в коридоре, из которого пришла. По ее телу пробежала волна расслабленности, и она шагнула в прекрасный проход.

Пройдя примерно половину пути, она могла уже слышать громкие голоса и шум пира. Отзвуки доносились из лежащего перед ней коридора, озаренного вспышками света и игрой теней, скрывающих перемещение эльдар, тайно пробирающейся в лежащее впереди помещение.

Когда провидица вошла в широкий, низкий зал, открывшаяся сцена словно обрушилась на ее чувства. Через все помещение тянулся длинный вычурный стол из мерцающей призрачной кости, ломящийся от дорогих и редких яств, графинов с вином и сверкающих декоративных статуэток. Был даже кувшин эldreанского эля. В стоящих вокруг стола богато украшенных, похожих на троны креслах, развалились более дюжины эльдар, облаченных в роскошные, яркие одежды. Они периодически брали что-то с богатого стола, смеялись и увлеченно о чем-то беседовали. Это была сцена, как будто сошедшая с древней фрески из дней величия Ривалинской династии. Несмотря на довольно небольшой размах, она заставила Маэве задуматься о великолепии жизни эльдар до Грехопадения.

Когда Маэве ступила в залитый теплом, светом и духом декаданса зал, многие из пирующих обернулись к ней и приветственно подняли бокалы. Она с улыбкой кивнула в ответ, а затем взглянула на полукруглые двойные двери в дальнем конце комнаты, которые только что открылись и впустили в зал развлечение.

К расположенной на металлической повозке цвета нефрита старинной платформе был прикован какой-то млекопитающий примат. Большая часть одежды отсутствовала, являя удивленным и заинтригованным взглядам эльдар уродливую бледную плоть. Маэве уже видела этого мон-кей прежде — именно она поймала его, когда он пытался сбежать из Мальстрима на жалком примитивном космическом корабле. Он транслировал своего рода сигнал бедствия, которого оказалось достаточно, чтобы привлечь внимание Маэве и заинтересовать ее. Действительно, повторение и переосмысление содержания сигнала бедствия помогало отвлечься от низменности и мерзости нынешнего Каэлора.

— Ах, — произнесла она с легким придыханием, как будто сам звук дарил ей наслаждение, — чужак, зовущий себя... как там? Ах, да. Слеф Благочестивый III. Как восхитительно, что он все еще жив и может доставить нам удовольствие.

— У нас есть более важные дела, чем это существо, Маэве Потаенных Наслаждений, — голос, казалось, исходит из ниоткуда, но слабое веяние дискомфорта привлекло внимание провидицы к сидящему во главе стола эльдар, чье лицо было скрыто капюшоном.

— Не столь потаенных наслаждений, стоит отметить.

По залу пронеслась волна веселья и насмешливого согласия, как будто каждый из присутствующих был в курсе наслаждений Маэве. Тем временем мрачный эльдар в капюшоне протянул над столом свой узловатый посох, зацепил кувшин эldreанского эля и подтащил поближе, словно был слишком слаб или пьян, чтобы встать и поднять его руками.

Маэве склонила голову набок и осмотрела дряхлую сгорбленную фигуру. Капюшон и плащ были чернее ночи, а ткань, из которой они были сшиты, говорила о невероятном, невообразимом богатстве. Посох невозможно было спутать ни с каким другим, а манеры окончательно выдали его.

— Ахирн, — выдохнула Маэве, и ее шепот был слышен во всем зале. — Как замечательно снова видеть тебя здесь. Признаюсь, я начала задаваться вопросом, не покинул ли ты нас ради этого омерзительного упряма, Узнека Аниона. Он кажется столь серьезным, дражайший ясновидец, что, я уверена, не одобрил бы существование этого небольшого островка удовольствия.

Ясновидец поднял глаза от кружки и улыбнулся. На его морщинистых губах осталось немного пены. — Ты всегда была моей любимицей, Маэве, но не принижай достоинств Аниона. Он верен мне, и приносит пользу. Как бы мы смогли поддерживать этот... этот уровень цивилизации среди нынешнего ужасного упадка, если бы не деятельность и серьезность нашего друга Уизнека? Он сражался вместо меня во главе моих армий! Без него все это, — продолжил Ахирн, сделав посохом широкий жест, опрокинувший кружку и заливший элем полный еды стол. — Все это было бы невозможно.

Маэве кивнула и уселась в кресло на другом конце стола. Теперь они с ясновидцем смотрели друг на друга с довольно большого расстояния. Ближайшие эльдар тут же подали ей бокал и переставили блюда на столе таким образом, чтобы любимые лакомства провидицы оказались в пределах ее досягаемости.

Скользнув взглядом по лицу прислуживающего ей эльдар, она испытала удовлетворение, поняв, что это Брикрю из Слоана. Как восхитительно, подумала Маэве, когда бокал тебе наполняет член Круга совета; такое может случиться только здесь, в тайном мире удовольствия. Таково было условие для посещения ее тайного ковена, и даже столь высокопоставленные эльдар были готовы унизиться, чтобы получить сюда доступ. Такая жизнь затрагивала самые сокровенные струны в душе любого эльдар, независимо от того, готов ли он это признать.

Всего несколько лет назад этот зал был лишь недостижимой страстной мечтой Маэве и некоторых наиболее прогрессивных провидцев дома Ютран. Теперь же это воистину было прибежище блаженства, недоступное и сокрытое, как сияющая жемчужина в океане уродливого примитивного разрушения.

— Ты, без сомнения, прав, — улыбнулась провидица. Если честно, политика Круга двора не интересовала ее совсем. Она присутствовала на этом трезвом и скучном совете лишь потому, что связанный с ним статус открывал множество дверей на Каэлоре, и не в последнюю очередь тайные двери в этот самый зал. С начала Пожарища Пророчества ситуация на остальном мире-корабле только ухудшалась, и влияние серьезно относящегося к своей работе Уизнека в рушащемся дворе росло. Однако, по большому счету, Маэве было все равно, что делает Уизнек, лишь бы он не мешал наслаждаться более утонченными и прекрасными аспектами жизни эльдар. Но надо признать, что время от времени она испытывала некоторое удовольствие от споров и поддразнивания главы дома Анион — он всегда реагировал со столь восхитительной яростью.

— По крайней мере, старый воин еще не дошел до того, чтобы оценить... особые качества нашей маленькой Элы, — сказала Маэве, играя с едой в своей хрустальной тарелке. — Похоже, что он считает эту мелкую дрянь слишком молодой и красивой.

— Он — старый заносчивый дурак, Маэве. Ни один из нас не способен увидеть будущее этой юной провидицы. Оно скрыто даже от меня.

— Может быть, пора привести ее сюда, Ахирн? — сама мысль об этом, казалось, была мучительной, лицо Маэве исказилось, словно от физического удовольствия. Она чувствовала, что сказала что-то запретное. — Возможно, она была бы... восприимчива.

— Не думай, что тебе первой пришла в голову эта мысль. Но видения говорят о том, что ее заботы не касаются происходящего в этом зале. Она... далека от истин об эльдарской душе. Закрывая глаза, она видит кровь. Всякий раз, когда она медитирует или спит, кровь заливает ее разум.

— Вид крови знаком нам всем, — игриво произнесла Маэве, скользнув взглядом по связанному мон-кей, которого группа искушенных эльдар удерживала на грани между удовольствием и агонией.

— Она все еще может быть нашим врагом, Маэве. Не считай, что невинность ее молодости сделает ее податливой в твоих руках... сколь бы приятной не казалась эта мысль.

Провидица Ютрана промолчала: ее внимание было приковано к захватывающему выступлению Слефа Благочестивого III. Мысленно она представляла, что на месте корчащегося в муках мон-кей находится маленькая поганка из дома Ашбель.

— Она покинула Каэлор. Тебе об этом известно? Цикл вечности лишился ее присутствия: Каэлор почувствовал ее уход. Варп-пауки отвели ее на Тирину, ближайшую планету на самом краю варп-шторма. Она пытается предотвратить падение Каэлора в Мальстрим, Маэве. Ей кажется, что нас затягивает сила действующего заодно с Великим Врагом колдуна мон-кей. — последние слова Ахирн изрек с театральной выразительностью. — Она считает, что это — единственное возможное объяснение траектории нашего мира-корабля.

— Значит, все же можно сделать ставку на ее невинность и юность, ясновидец, — Маэве широко улыбнулась, радуясь собственной эффектной риторике. — Кроме того, кажется, ее дорогой карадок уже завоевал доверие своей маленькой морны! — Ее слова сочли театральным сарказмом, когда она подражала голосу Элы и самого Ахирна.

— Что же касается ее действий на Тирине, можешь быть уверен, что я уже организовала ей хорошую компанию. — с этими словами она снова посмотрела на окровавленную изломанную фигуру Слефа, который наконец перестал шевелиться. — Сами Адептус Астартес собираются предложить свою помощь, благодаря нашему только что усопшему другу. Эти мон-кей — такие бесхитростные, примитивные существа — у них нет самодисциплины: подкинь им искушение, и они побегут к нему.

— А в искушениях ты понимаешь больше, чем кто бы то ни было.

Закрученный вихрь варпового огня внезапно возник в небе над развалинами некогда красивой и большой каменной площади. Пламя закручивалось в жуткий темно-фиолетовый водоворот, втягивающий в себя облака и изредка прикасающийся к измазанным кровью, размалеванным разными цветами зданиям. Являя некую драматичную гармонию, на площади начали возникать вспыхивающие и искрящиеся энергией варпа небольшие пыльные вихри, превращающиеся в миниатюрные торнадо.

Ветвистые молнии ударили в закручивающийся портал, превращая его туманный круг в сверкающее озеро энергии. Несколько секунд спустя портал рассеялся, выпустив на площадь несколько стройных фигур. Их броня гранатового и золотого цветов отражала тусклый свет Тирины. Когда они плавно опустились на залитые кровью каменные плиты, среди них можно было рассмотреть небольшое существо со скрытым капюшоном лицом. Возможно, это был ребенок.

Едва ступив на поверхность, варп-пауки образовали вокруг маленькой Элы, одетой в рубинового цвета робу, круг, готовясь защитить ее от чего угодно. Они ожидали враждебной встречи; несколько сверкающих эльдарских душ, упавших в трясину мира, находящегося во власти искушений Слаанеш, несомненно, привлекали внимание.

Пока варп-пауки, проверяя местность на признаки вторжения демонов, водили по сторонам стволами смертопрядов, смерчи на краях площади становились все более плотными. Они втягивали воздух и энергию, складываясь в стройные человекоподобные силуэты. Вскоре площадь, которая еще несколько секунд назад казалась безопасной и пустой, была заполнена изящными бледными фигурами демонеток Слаанеш. Казалось, Великий Враг почувствовал запах детей Иши.

В тот же миг из переулков начали выходить искалеченные, окровавленные мон-кей. Они шли, сжимая в руках инструменты и клинки, кнуты и примитивное оружие дальнего боя. Вместо одежды тела покрывала яркая краска, млекопитающие кричали и пели, создавая терзающую слух эльдар какофонию.

Как только демонетки начали продвигаться к эльдар, скользя в непривычно плотном, ласкающем тело материальном пространстве, походя рассекая толпу заморожено смотрящих на волнующие движения и захватывающе смертельные образы людей, варп-пауки начали действовать. Эла предвидела присутствие на Тирине демонических сил, поэтому оно не стало неожиданностью.

Не говоря ни слова, Адсулата пропала из материального мира, затем внезапно появилась за спинами группы мон-кей на противоположной стороне площади. Ее смертопряд начал трещать и вращаться, как пулемет Гатлинга, скосив несколько млекопитающих прежде, чем они успели развернуться. Ближайшая демонетка оказалась проворнее. Она пригибалась и изворачивалась с тошнотворной грацией, а затем распласталась в длинном прыжке и успокоилась всего в паре метров от арахнира.

Без колебания и промедления Адсулата направила все еще вращающийся ствол своего оружия на гибкую изящную фигуру другой демонетки, обстреливая ее прямо сквозь толпу. Но прислужница Слаанеш двигалась с той же скоростью, что и поток зарядов, прыгая, ускользя и уворачиваясь от выстрелов, пока не сократила дистанцию. Приблизившись вплотную, демонетка выбила из рук Адсулаты смертопряд и взмахнула хищно изогнутым клинком.

Адсулата выпустила оружие и отразила удар силовыми клинками, прикрепленными к тыльной стороне предплечий.

Тем временем остальные бойцы отделения варп-пауков последовали примеру арахнира, через варп прыгнув к стратегическим позициям вокруг поля боя. Теперь они могли атаковать группу противника с фланга и связать демонеток боем, не давая им совместно напасть на юную провидицу.

Три аспектных воина остались рядом с Элой, уничтожая любого мон'кей, который оказывался слишком близко, и поддерживая огнем своих братьев, сражающихся с демонетками.

Сама Эла стояла в глазу бури, чувствуя болезненную ярость, захлестнувшую площадь подобно кровавому вихрю. На мгновение ее разум вернулся в прошлое, к охватившему некогда великолепный Каэлор разрушению. Воздух Тирины имел тот же самый тошнотворный привкус. Взглянув на возвышающийся вдали от яростного сражения склон горы, она увидела пронзающую облака величественную базилику. Ее стены были покрыты кровью, точно так же, как в видении, и Эла поняла, что колдун ждет ее там.

Судьба не ждала никого.

Пробормотав несколько слов силы, юная провидица подняла руки. Кисти окружил ореол потрескивающей энергии, а с пальцев начали сыпаться молнии, когда она призвала на площадь сверхъестественную бурю.

Темные Ангелы стояли в конце одного из длинных бульваров, которые упирались в широкий двор перед воротами возвышающейся на горе базилики. Отделение остановилось, чтобы оценить обстановку прежде, чем выйти на открытое пространство. Сама атмосфера города усиливала их подозрительность. Они стояли, великолепные и колоссальные, среди толпы жителей Тирины, которые следовали за ними по улицам, распевали молитвы и восторженно кричали, радуясь второму пришествию Голоса Истинного

Бога.

— Не нравится мне все это, — сказал Лексий, смерив взглядом стоящее перед космодесантниками величественное здание.

Даже сквозь закрытые массивные ворота, и даже с другой стороны широкого двора, Темные Ангелы могли слышать звуки еретических молитв и громкой какофонии, эхом доносящиеся из глубины здания.

— ...да наделят нас благостью боли, чтобы окрасить галактику в цвет крови и утолить голод богов! — неслись над площадью приглушенные слова.

Путь по улицам широко раскинувшегося города был долгим и поучительным. Уже начали рушиться от сочетания пренебрежения и насилия. Из простых благочестивых жилищ паломников и кающихся они превратились в размалеванные яркими красками, декадентски отделанные обиталища гедонистов и сластолюбцев. Изображения Императора были осквернены или разорваны на части и брошены в грязь. Их заменяли наспех установленные грубые изваяния отвратительных тварей. И повсюду непрерывно слышалось богохульное завывание. Из систем оповещения, разбитых окон безвкусно украшенных домов или просто из глоток слоняющихся по улицам людей. Этот звук начисто забивал слух.

— Не могу поверить, что он здесь, — проворчал Калидиан, оглядываясь на лежащий внизу бульвар, по которому они недавно прошли. Его бионический глаз непрерывно мерцал красным светом, будто на чем-то фокусируясь. Он еще сильнее понизил голос, пока он не стал едва слышимым:

— Воистину, есть глубины, до которых не опустится даже падший ангел.

Лексий промолчал, как будто обдумывая вопрос. За последние несколько десятилетий он десятки раз пересекал галактику, расследуя малейший шепот или намек в докладе. В результате он стал чрезвычайно скептически оценивать вероятность удачного выполнения своих обязанностей. Но, несмотря на скептицизм, он должен был признать, что доклад с Тирины был самым многообещающим за последние несколько лет. Он как будто умолял их исследовать планету.

На мгновение его голову посетила мысль о том, что указанные в отчете точные, загадочные детали могли означать, что кто-то пытается заманить их в ловушку. Но потом капеллан одумался: кто еще мог знать о позоре Темных Ангелов? Кто мог устроить подобную западню? От подсказанного логикой ответа по его аугметированному и укрепленному позвоночнику пробежала дрожь: такое мог сделать только сам Сайфер. Таким образом, возможно, он все же здесь? Но более вероятным казался вариант, что он направил их по ложному следу — заманил Темных Ангелов на Тирину, а сам исчез в Поясе Офорины.

— Так близко, — наконец прорычал Лексий. — Мы должны зачистить это место, магистр Аксир. Его существование — мерзость и преступление перед светом Императора. — Но вдруг его мысли приобрели неожиданное направление: если кто-нибудь узнает о тайном позоре Темных Ангелов, он сможет давать им подобные намеки и водить их по всей Галактике, давая капелланам-дознавателям заполучить не более чем марионеток. В душе капеллана начал закипать гнев, а в уме он перебирал всех, кто мог осуществить такую манипуляцию.

— Эльдар! — раздался крик сзади, и тактические десантники начали перемещаться. Несколько тяжело бронированных, красных с золотом эльдарских воинов внезапно появилась на площади перед воротами собора. Присмотревшись, Лексий понял, что в центре их строя стоит какой-то ребенок, которого они, похоже, стараются защитить. В течение нескольких секунд они, казалось, не замечали присутствия Темных Ангелов или не придали ему значения. Вместо этого они занялись установкой подрывных

зарядов на ворота.

— Прокляни их Лев! — прошептал Лексий, приготовив к бою крозиус арканум. Он мог лишь надеяться, что их присутствие на Тирине было совпадением, потому что другие варианты были слишком ужасны и их не хотелось даже обдумывать. Как бы то ни было, его терпение по отношению к несчастьям этой падшей планеты уже иссякло, и появление этих мерзких ксеносских тварей сделало Тирину еще отвратительнее. Капеллан бы с удовольствием посмотрел, как она пылает. Вся.

— Покайтесь! — закричал разделяющий мысли своего капеллана Калидиан, вскинув одной рукой болт-пистолет и размахивая зажатым в другой руке цепным мечом. — Ибо сегодня вы умрете!

И Темные Ангелы рванулись через площадь.

Заряды болтеров ударили в ворота базилики за спинами варп-пауков, выбивая из камня осколки и заставив Воинов Аспекта развернуться. От выстрелов ворота задрожали, звуки попаданий эхом отозвались в нефе. Преимущество внезапности было утрачено.

Адсулата инстинктивно встала перед Элой, ограждая ее от внезапного нападения с другой стороны площади. Отделение облаченных в балахоны и силовые доспехи космодесантников неслось к ним, извергая из стволов оружия пламя. Оглянувшись на своих воинов, Адсулата увидела, что варп-пауки бросили термитные мины, отпрыгнули от ворот и подняли оружие, готовясь к бою.

Арахнир просканировала местность, но не смогла найти никакого укрытия. Пауки были как на ладони, они стояли перед воротами базилики как красные с золотом мишени для воинов мон-кей. Инстинкт призывал Адсулату увести аспектных воинов — сквозь варп проскользнуть на другой конец площади и вступить в бой с космодесантниками на более удобной позиции. Но была еще юная Эла — она не могла совершать такие прыжки, и Адсулата не могла ее бросить.

Оставалось лишь открыть ответный огонь.

Как будто думая так же, остальные варп-пауки внезапно начали стрелять из смертопрядов, заливая площадь потоками крошечных разрывных зарядов. Они встали в линию перед Элой'Ашбель, ограждая ее от боя.

Космодесантники просто рванулись вперед, не обращая внимания на залпы, как будто были неуязвимы для оружия эльдар. Казалось, что заряды смертопрядов попросту отскакивают от темно-зеленой брони. Они выкрикивали боевые кличи на грубом уродливом языке своего вида, а за их спинами Адсулата видела плотную толпу окровавленных размалеванных жителей Тирины, визжащих от испытываемого при виде творящегося насилия удовольствия.

Крик боли заставил Адсулату развернуться. Стоящий на фланге варп-пауков Воин Аспекта рухнул на колени и схватился за горло. Из разорванной артерии, разбрызгиваясь по белым каменным плитам, фонтаном била кровь, а затем эльдар упал в лужу собственной крови.

Когда варп-паук скончался, Адсулата поняла, что его рана нанесена скорее клинком, чем пулей. Она быстро осмотрелась и увидела, что волноваться стоит не только о приближающихся космодесантниках. По обе стороны от ворот она увидела крутящиеся вихри, предвещающие скорое появление демонеток. Три этих гибких и тошнотворно изящных существа уже продвигались к позиции эльдар. Одно из них на мгновение остановилось на фланге варп-пауков, чтобы слизать кровь убитого со своих отравленных клинков. Еще по крайней мере четыре вихря говорили о том, что станет еще хуже.

Еще два варп-паука закричали, когда град болтерного огня пробил их стройные тела, отбросил к воротам базилики и превратил в лежащие на земле кучи раздавленной, раскромсанной и разорванной плоти.

Адсулата обернулась и увидела спокойно и неподвижно стоящую Элу. Ее глаза цвета сапфира сверкали неопикуемым далеким огнем, а на гладком лице не проступило ни тени эмоций, даже когда ее стражей убивали одного за другим. Арахнир не могла поверить, что ребенок может проявлять такое самообладание.

В тот момент большие ворота базилики распахнулись, и из разверзшегося зева полетел град болтерных зарядов, сопровождаемый ревом десятков тысяч глоток. Подобно цунами звуковая волна обрушилась на варп-пауков и лишила их равновесия. Бегущая за спинами одетых в темно-зеленое космодесантников, толпа ответила восторженными криками, будто это был знак самих богов. Адсулата слышала, как тысячи людей заполняют площадь, крича и стреляя в унисон с доносящимся из базилики гротескным шумом.

Адсулата успела лишь обернуться и увидеть появляющихся из теней в соборе одетых в красные с черным доспехи космодесантников, когда звуковая и ударная волны сбили ее с ног. Арахнир не знала, кем они были, но, увидев, как они открыли огонь, поняла, что эти десантники явно не заодно с теми, что бегут через площадь.

Гигантские створки ворот ударились в каменные стены, заставив сдетонировать установленные варп-пауками термитные мины. Прогремел мощный взрыв, взметнувший огромные двери в воздух в языках адского пламени.

Перекатившись и вскочив, Адсулата увидела, что силы эльдар уничтожены. Мертвые истерзанные варп-пауки лежали на белых каменных плитах, охваченные огнем собственных термитных зарядов. Воины мон-кей наступали с двух сторон, поймав их в ловушку смертельного перекрестного огня. Тут и там извивались зловещие смертоносные силуэты демонеток Слаанеш, и повсюду толпились десятки тысяч приматов-культистов, алчущих крови.

Посреди всего этого стояла маленькая Эла. Посреди ярости и жестокости неудержимой битвы она казалась крошечной и невинной. У ее ног лежали трупы собратьев, их кровь впитывалась в край ее длинного плаща. Но, так или иначе, суматоха боя ее не затронула. Казалось, заряды болтеров, пули и клинки просто пролетают мимо, словно не замечая невинного ребенка. Она стояла неподвижно, и ее великолепные голубые глаза сияли как далекие звезды.

Адсулата печально склонила голову, прощаясь со своей подопечной, когда заряды болтеров прошли ее сразу с двух сторон. Удары уравнивали друг друга, и она осталась стоять у ворот. Но тут к арахниру скользнула демонетка, взмахом клинка перерубила ей колени и обрушила наземь. Взвыв от наслаждения, демонетка прыгнула на труп другого эльдар и вгрызлась в его плоть, жаждая пожрать душу.

Лежа среди трупов варп-пауков и чувствуя, как последние капли ее долгой жизни утекают с кровью на некогда белые плиты брошенного мира, Адсулата подняла лицо, чтобы в последний раз взглянуть на Элу. + Я подвела тебя, моя ясновидица. +

+ Нет, + последовал мягкий ответ. Эла спокойно шла среди бушующей вокруг битвы. + Ты сумела привести меня сюда. Долг исполнен, и твоя душа вернется в круговорот вечности Каэлора и присоединится к предкам. Моя судьба ждет меня в этой базилике — ты не можешь идти со мной дальше. +

С этими словами Эла наклонилась и вытащила из полости под нагрудными пластинами брони Адсулаты ее путеводный камень. Затем провидица развернулась и медленно пошла к открытому входу в собор. Тысячи вонючих мон-кей бежали мимо нее на площадь, чтобы присоединиться к сражению. Но они не обращали на Элу никакого внимания. Она двигалась через них как маленькая рыбка, плывущая против течения. Она шла по главному проходу к оратору в апсиде.

Внезапно Эла поняла, что встреча таких сил на площади была результатом махинаций изощренного ума. Ей не верилось, что все эти воины, демоны и культисты оказались в одном месте случайно. Все было подстроено, чтобы помешать ее миссии.

Она отбросила мысли в сторону, поскольку толпа перед ней расступилась, и она впервые своими глазами увидела Кора Фаэрона. Он был таким же, как и в видении. Стоящий за жалкими остатками купели огромный, облаченный в силовые доспехи бог-воин сверху вниз смотрел на юную провидицу и смеялся.

И случилось так, что провидица-дитя, эвелин Каэлора, вела судьбу за руку, как калеку-карадока, вела сквозь трясину настоящего, как ясновидица. Она медленно шла сквозь уродливый беспорядок базилики, проходя сквозь прихожан, как остро отточенный клинок проходит сквозь воду. Пока, наконец, повзрослевшая раньше времени и наделенная предками даром предвидения юная провидица не предстала перед чудовищной фигурой темного апостола.

И, смотря сверху вниз на ее крошечную хрупкую фигуру, гигантский воин Хаоса весело и насмешливо фыркнул, поднял лицо к Куполу Крови и расхохотался. Его демонические покровители предупреждали его о мощи сынов Азуриана, нашептывали ему обещания о масштабной резне и кровопролитии, вселяли в яростно кипящий разум апостола мысли о легионах аспектных воинов и аватаре самого Кхаина.

А вместо этих кровавых легионов пришла Эла.

Нет ни одного свидетеля событий, которые разворачивались перед оскверненным алтарем Императора Человечества, и все же именно там и именно тогда бесчисленное множество вариантов будущего Каэлора превратились в один. То, что произошло в решающий момент, не имеет ничего общего с планами горстки отступников и предателей. Их замыслам суждено было вспыхнуть подобно огням Ваула, пылающим в телах отважных варп-пауков на площади за большими воротами.

Все случилось в мгновение ока.

Отсмеявшись, воин-демон обратил взгляд своих пламенеющих глаз на облаченную в балахон эвелин, издевательски намекая о своих далеко идущих планах касательно ее самой. Прошлая и будущая ясновидица наших судеб подняла руки и откинула с головы капюшон.

Именно тогда все и произошло.

Эла из дома Ашбель подняла свои сапфировые глаза, сияющие светом самой Иши, и взглянула в глаза чудовищному апостолу.

Пронизывающим взглядом.

В тот же миг большие ворота базилики захлопнулись, и никому не под силу было открыть их. Дитя и чудовище остались наедине в огромном пространстве. Они стояли неподвижно, как на великой фреске из золотой эры легенд, и держали волю друг друга в хватке собственных душ.

На площади снаружи бушевала битва, а этот момент выпал из времени. События, занявшие долю секунды, одновременно длились сотню лет — глубокие и таинственные разумы противников сжали время до невозможных пределов.

Никто не знает, что именно темнейший из апостолов увидел в душе маленькой Элы. Существует гипотеза, что внушенные ему видения потрясли его веру до самых основ, заполняя разум Магистра Веры сомнениями и неуверенностью, которая повернула его волю против него самого и подняла извращенного мон-кей до новых вершин ярости и гнева.

Что бы ни увидел Кор Фаэрон в сверкающих сапфировых глазах эвелин, оно превратило его смех в ярость и заставило тут же покинуть Тирину.

Но эта победа обошлась очень дорого.

Когда провидица-дитя, наконец, опустила взгляд, перед ее глазами была лишь тьма. Исчез даже яркий красный свет, падающий из Купола Крови. Она не видела ничего.

Поднеся руки к лицу, Эла провела пальцами по щекам и почувствовала, что они влажные. Из пострадавших глаз, подобно потоку слез, струилась кровь.

Искаженный разум Кора Фаэрона терзал ее душу и глаза, показывая столь ужасные видения, что против них бунтовало само естество. Ее чувства стремились отвергнуть эти образы, ограждая душу от безумия, которое апостол предлагал ей как подарок, будто соблазняя ее чистым ужасом.

Она видела будущее. Она видела Каэлор, восставший из руин в прежнем великолепии. Видела, как он пылает, как сквозь бульвары и леса бегут воины мон-кей и демонетки Великого Врага. Она видела похожего на Кора Фаэрона апостола, стоящего в сердце Круга среди изломанных и изорванных трупов членов совета. И видела, как апостол запрокидывает голову и хохочет над разрушением древнего мира-корабля. Он протянул Эле руку, сжимающую камни души эльдар. Когда провидица еще раз взглянула в лицо апостола, в мозгу вспыхнуло его имя: Эреб. Затем лицо исказилось и перекошилось, превратившись в лик самой Слаанеш. Нарочито медленно, демонстративно, Великий Враг поднес руку к лицу, забросил путеводные камни в рот и начал их медленно пережевывать. С его губ стекала струйка слюны.

И, храня в своем разуме все эти ужасы, спотыкающаяся и шатающаяся под весом усталости и невыразимых кошмаров будущего Эла из дома Ашбель, эвелин Каэлора, отправилась обратно через портал павших в сражении варп-пауков.

— Кровавые слезы: Хроники Элы'Ашбель, том 2

Деок Эпона, мир-корабль Каэлор

Под сводами теряющегося в высоте потолка над лесистым Стикслинским сектором полыхнули искры пробившегося сквозь призрачную кость огня варпа. Мерцание окрасило уголок природы в причудливые цвета и создало в воздухе грозу без дождя. Плети Мальстрима прошли по обшивке скользящего по границе огромного варп-шторма Каэлора. Усики демонических сил скользнули по древнему кораблю, пронизывая его энергией варпа. Мир-корабль отклонялся от курса, который привел его на самую грань проклятия.

Ясновидец Ахирн Ривалин задумчиво стоял в траве. Посох немного погрузился во влажную землю, когда

ясновидец перенес на него свой вес. Ему не нравилось приходить сюда, на Стикслинский периметр — это было не опасно, хотя совсем недавно дела обстояли иначе. Скорее его эстетические чувства ужасала органическая грязь этих мест. Даже развалины, пламя и камни казались ему более чистыми.

Кроме того, варп-пауки экзарха Аингела весьма неприязненно относились к потребностям двора Ривалина. Во времена Пожарища Пророчества они первыми отринули давнюю традицию невмешательства аспектных храмов Каэлора в политику. Те, кто разделял взгляды Аингела, теперь звали его одай-экзархом — Великим экзархом. Это место маленькая мерзавка выбрала в качестве точки своего возвращения на Каэлор. Она даже не потрудилась объявить о своем прибытии двору — о ее скором прибытии сообщил один из ковенов дома Ютран. Ясновидец был вынужден поспешить в это неприятное место, поручив обеспечение своей безопасности Узнеку Аниону.

К счастью, Эла'Ашбель не опоздала.

Большой варп-портал храма Паука, наполовину скрытый среди подпаленной, но все еще пышной листвы, мерцал силой. Завеса изменчивой энергии, которую удерживала круглая конструкция, была похожа на озеро, отражающее лунный свет.

Ахирн всмотрелся в мерцающие образы, видя в отражениях себя и свой почетный караул. Отражения были искажены и деформированы энергией варпа. На мгновение он задался вопросом, а не таким ли его на самом деле видят другие, более чистые жители Каэлора, все еще верные трудным Путям эльдар. Обдумывая эту мысль, играя с ней как с ущербным драгоценным камнем, ясновидец ощутил, как по позвоночнику пробежала дрожь непримиримости и ощущения собственного превосходства. Почему его должно заботить, что видят остальные?

— Она идет, — сказала Маэве, наклонившись, чтобы прошептать это на ухо ясновидцу. В ее голосе слышалось волнение и страх. Ее план устранить с Каэлора маленькую дрянь и направить мир-корабль навстречу судьбе рухнул. На мгновение она удивилась невероятной мощи, которую проявила Эла на пути к цели.

— Да, — ответил Ахирн похожим на шипение свистящим шепотом.

Завеса энергии варпа внезапно дернулась и забурлила, как вода в чашке, в которую ребенок вдует воздух. Потом в центре возникло пятно — постепенно увеличивающийся очаг тьмы, постепенно превращающийся в круг, а затем в сферу. Завеса энергии озарилась яростным слепящим светом. Через несколько секунд из темноты появилась небольшая девичья фигура.

Маленькая Эла'Ашбель, отвратительная провидица-дитя, ступила из варп-портала на священную, поросшую деревьями территорию храма Паука, где провела свое раннее детство. Она была совершенно одна — охраняющих ее варп-пауков перебили на Тирине. Она была истощена и устала. И истекала кровью.

Ясновидец Ахирн вышел вперед и протянул страдающему ребенку руку.

— Ты спасла нас от Великого Врага, моя маленькая морна. Эльдар Каэлора в неоплатном долгу перед тобой — их души остались при них. По крайней мере, пока что.

Губы Маэве скривились от явного отвращения и разочарования, и Ахирн повернулся к ней, уже собираясь призвать ее держаться в рамках приличия. Но внимание ясновидца привлекло нечто замечательное: кровь, заливающая лицо Элы, текла из глаз. Казалось, провидица плачет кровавыми слезами. Она была слепа. И не могла больше видеть декадентского уродства ясновидца; не могла

рассмотреть искривленное в пренебрежительной гримасе лицо Маэве. Теперь Эла зависела от карадока сильнее, чем прежде. Похоже, в итоге все получилось не так уж и плохо.

— Моя маленькая морна, — произнес он, и на его морщинистом лице появилась неприятная улыбка, — пойдем со мной. Я знаю замечательное место, где ты сможешь отдохнуть и отвлечься от боли. Пойдем со мной и Маэве Ютран — мы позаботимся о тебе.

Спотыкаясь от усталости, боли и дезориентации, Эла'Ашбель протянула руку в мир абсолютной темноты и ухватила за старые иссохшие пальцы Ахирна. Провидица была слишком слаба, чтобы говорить или делать что-то еще, поэтому она просто кивнула и позволила карадоку увести себя прочь.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Кровавые_слёзы_-_Tears_of_Blood_\(рассказ\)&oldid=13373](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Кровавые_слёзы_-_Tears_of_Blood_(рассказ)&oldid=13373)

Эта страница в последний раз была отредактирована 4 мая 2020 в 22:38.